ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Иноязычные вкрапления в русских текстах досоветского, советского и постсоветского периодов (корпусное исследование)

Рычкова Т. А.

Аннотация. Цель исследования – установить закономерности динамики частотных иноязычных вкраплений в корпусах трёх исторических периодов: досоветского (1700-1916), советского (1918-1991) и постсоветского (1992-2016). В статье на материале диахронических датасетов Национального корпуса русского языка общим объёмом 252 млн словоупотреблений с помощью автоматизированной обработки выявлены частотные иноязычные вкрапления и на основе их количественного и качественного анализа описаны их функциональные, частеречные, семантические и языковые изменения. Научная новизна заключается в том, что в статье впервые на репрезентативном корпусном материале словоупотреблений рассматривается динамика частотности иноязычных вкраплений; впервые выделены и охарактеризованы три основные функции одиночных латинских букв (библиографическая, научно-техническая, культурно-языковая) и прослежена их эволюция; реконструирован социокультурный портрет носителя языка, активно использующего иноязычные вкрапления. В результате исследования устанавливается U-образная динамика частотности иноязычных вкраплений с минимальными показателями в советский период и резким ростом в постсоветский, фиксируются смена основного языка-источника и эволюция социокультурной функции таких лексических единиц, реконструируется трансформация языковой личности в разные эпохи.

EN

Foreign-language inclusions in Russian texts of the pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet periods: a corpus-based study

T. A. Rychkova

Abstract. The aim of the study is to identify patterns in the dynamics of the frequency of foreign-language inclusions in corpora representing three historical periods: the pre-Soviet period (1700-1916), the Soviet period (1918-1991), and the post-Soviet period (1992-2016). Using diachronic datasets from the Russian National Corpus, with a total volume of 252 million word tokens, automated processing was employed to identify frequent foreign-language inclusions. Their functional, part-of-speech, semantic, and linguistic changes were then described on the basis of quantitative and qualitative analysis. The scholarly novelty of the study lies in the fact that it is the first to examine the frequency dynamics of foreign-language inclusions using a representative corpus of word tokens; to identify and characterize the three main functions of isolated Latin letters – bibliographic, scientific and technical, and cultural-linguistic – and trace their evolution; and to reconstruct the sociocultural profile of a language user who actively employs foreign-language inclusions. The study establishes a U-shaped pattern in the frequency dynamics of foreign-language inclusions, with the lowest levels recorded during the Soviet period and a sharp increase in the post-Soviet period. The article also identifies a shift in the dominant source language and the evolution of the sociocultural function of these lexical units, thereby reconstructing the transformation of linguistic identity across different historical periods.

Введение

Актуальность темы продиктована запросом современной лингвистики на использование объективных данных для оценки долгосрочных языковых изменений. Иноязычные вкрапления, будучи чувствительными маркерами культурно-языковых контактов, позволяют увидеть связь между особенностями их использования и социально-историческими трансформациями. Сопоставление трёх периодов (досоветский, советский и постсоветский) на единой методологической основе даёт возможность отделить временные колебания

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260469

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

от устойчивых тенденций и оценить масштаб и специфику употребления иноязычных вкраплений в исторической перспективе.

Вслед за А. А. Леонтьевым (1966, с. 61) и Л. П. Крысиным (1968, с. 43-49) под иноязычными вкраплениями мы понимаем вставленные в русский текст языковые единицы в иноязычном звуковом, графическом и грамматическом оформлении, которые не ассимилированы в систему русского языка.

В соответствии с этим в работе поставлены следующие задачи:

1) составить частотные списки всех иноязычных вкраплений (обозначенные латиницей) в текстах трёх периодов (досоветский (1700-1916), советский (1918-1991) и постсоветский (1992-2016));

2) провести функциональный анализ одиночных букв-вкраплений на основе контекстов их употребления в Основном корпусе НКРЯ;

3) провести частеречный, тематический и контекстный анализ остальных иноязычных вкраплений за вычетом букв (слова, аббревиатуры, сокращения) для каждого периода;

4) проанализировать языковое происхождение иноязычных вкраплений (как одиночные буквы, так и остальные единицы);

5) на основе полученных данных реконструировать социально-культурный портрет активного пользователя иноязычными вкраплениями в каждую из эпох.

Методология работы основана на комплексном подходе, сочетающем количественные и качественные методы. На первом этапе для извлечения иноязычных вкраплений была задействована автоматизированная обработка на языке Python, включающая подсчёт всех словоформ, приведение их к начальной форме и фильтрацию единиц, написанных латиницей. С целью обеспечения сопоставимости данных между корпусами разного объёма на втором этапе абсолютные частоты были пересчитаны в показатель ipm (instances per million). При этом из полученного списка вкраплений были удалены обозначения римских цифр, состоящих из двух и более букв (типа *XX*, *XIX*), так как числа не являются предметом настоящего исследования. В свою очередь, одиночные буквы типа *X* были оставлены, поскольку помимо обозначения числа они могли нести и другую информацию. На третьем этапе использовался метод ручной категоризации для 100 самых частотных единиц каждого периода – по частям речи, семантическим группам и языкам-источникам. Кроме того, для верификации семантических и функциональных характеристик применялся контекстный анализ (по 100 случайных примеров на единицу в основном корпусе на сайте НКРЯ). Сочетание количественных и качественных методов позволило определить статистические закономерности и дать им соответствующую интерпретацию.

Материалами исследования послужили скачиваемые диахронические датасеты Национального корпуса русского языка (НКРЯ), охватывающие три указанных периода. Общий объём текстовых файлов составляет 252 216 939 словоупотреблений: 73 565 445 словоупотреблений в досоветском, 94 740 484 – в советском и 83 911 010 – в постсоветском корпусах. Стилистический и жанровый состав в досоветском, советском и постсоветском корпусах в целом сопоставим и сбалансирован, что обеспечивает их репрезентативность для изучения реального словоупотребления. Наиболее заметные изменения между периодами связаны с тем, что объем художественной литературы вырастает в советский период на 3,44% и падает в постсоветский на 7%, уступая место публицистике (выросшей по сравнению с советским корпусом на 6%) и появившейся электронной коммуникации (1,32% в постсоветском корпусе). Указанные расхождения, однако, не нарушают общей сопоставимости корпусов и не ставят под сомнение репрезентативность результатов исследования, поскольку основные стилистические массивы данных сохраняют баланс.

Теоретической базой исследования послужили работы А. А. Леонтьева (1966) и Л. П. Крысина (1968), определивших понятийный аппарат и методы выявления иноязычных элементов. Их критерии графической маркированности и функциональной неадаптированности приняты нами для отграничения вкраплений от заимствований и для автоматизированного извлечения вкраплений из корпусов. Дополнительно мы опираемся на работы Т. В. Красновой (2009), впервые систематизировавшей иноязычные вкрапления в русской литературной речи начала XX века и предложившей методику их контекстного анализа, и Ю. Н. Киреевой, Е. С. Казютиной и М. Н. Суровой (2020), анализировавших функционирование иноязычных вкраплений и их прагматические и стилистические роли. Хотя указанные авторы анализировали материал в синхронии, их методики и классификационные схемы (выделение тематических групп, частеречный анализ) были нами адаптированы для диахронического анализа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в вузовских курсах по лексикологии, истории русского языка и социолингвистике. Разработанная методика автоматизированного извлечения и анализа иноязычных вкраплений применима для изучения других языковых корпусов и может служить инструментом для мониторинга языковых изменений в синхронии и диахронии.

Обсуждение и результаты

Как было отмечено во введении, под иноязычными вкраплениями понимаются неассимилированные единицы в иноязычном графическом и грамматическом оформлении (в нашем исследовании – написанные латиницей). Прежде чем перейти к результатам собственного исследования, обратимся к обзору уже существующих работ об иноязычных вкраплениях.

Фундаментальные основы изучения иноязычных вкраплений были заложены в работах А. А. Леонтьева (1966) и Л. П. Крысина (1968), которые определили понятийный аппарат и критерии разграничения вкраплений

и заимствований. Эти классические работы носили теоретический и синхронический характер и не ставили целью диахроническое описание материала.

Серьёзный вклад в изучение иноязычных вкраплений в русской литературной речи начала XX века внесла Т. В. Краснова (2009). В своём диссертационном исследовании она вручную отобрала словесные иноязычные вкрапления в текстах 1900-1917 годов и пришла к выводу, что последние выполняют две основные функции: национально-культурную (передача национального своеобразия, номинация предметов чужой культуры) и престижную. Особый интерес представляют ее наблюдения над языками-источниками: в художественных текстах начала XX века абсолютно доминирует французский язык, за ним следуют немецкий, латинский и итальянский; в научных текстах, напротив, на первом месте – латынь, затем – немецкий, английский и французский; в разговорной речи французский вновь выходит на первое место, затем латынь, немецкий, итальянский, английский. Эти данные, безусловно, ценны для понимания языковой ситуации начала XX века, однако исследование ограничено узким хронологическим отрезком (всего 17 лет) и не даёт возможности проследить динамику вкраплений в более широкой исторической перспективе.

Другая группа работ сосредоточена на творчестве отдельных авторов (Абдупаттоев, Абдуллаева, 2025; Большакова, 2008; Василенкова, 2025; Костоусова, 2023; Кулакова, 2023; Нечепуренко, 2025; Олейникова, 2023; 2025). Например, Т. И. Большакова (2008) исследовала иноязычные вкрапления в художественных произведениях В. П. Аксенова. Вручную отобрав 45 вкраплений в текстах 1960-1980-х годов, она выделила те же две функции – отражение национально-культурного своеобразия и престижную, – но при этом показала, что в речи диссидентов, советского андеграунда и хиппи иноязычные вкрапления передают протестные настроения против власти и тоску по свободной Европе. В произведениях В. П. Аксенова 1980-2000-х годов, рисующих жизнь американского общества и речь русских эмигрантов, количество иноязычных вкраплений, в основном английских, резко возрастает и служит уже не только для характеристики персонажей, но и для иронического, игрового описания. Работа Т. И. Большаковой интересна тем, что фиксирует изменение функций вкраплений внутри творчества одного автора в зависимости от тематики, однако её материал (один писатель) не позволяет делать обобщения о более широких языковых процессах.

Аналогичный подход реализован в работах О. Н. Олейниковой (2023; 2025), посвящённых иноязычным вкраплениям в текстах М. И. Цветаевой и К. И. Чуковского. В статьях и эссе М. И. Цветаевой автор выделяет полные и частичные вкрапления и разделяет их на два разряда – связанные и не связанные с национально-культурной спецификой текста. О. Н. Олейникова отмечает, что узуальные вкрапления из международного фразеологического фонда встречаются гораздо чаще, чем связанные с национальным своеобразием; при этом М. И. Цветаева часто пишет в иноязычном оформлении даже те слова, которые уже стали заимствованиями (например, sécurité вместо «безопасность»). Важным наблюдением является тот факт, что во время эмиграции частотность иноязычных вкраплений в текстах поэтессы не увеличилась, а уменьшилась вопреки ожиданиям. В мемуарах К. И. Чуковского, как показала Олейникова, наиболее многочисленны украинские вкрапления и значительно представлены французские, латинские и немецкие, тогда как английских немного. Основной функцией вкраплений у К. И. Чуковского становится не номинативная или терминологическая, а эстетическая. Оба исследования дают богатый качественный материал, однако они ограничены творчеством отдельных авторов, что не позволяет экстраполировать выводы на общую картину развития иноязычных вкраплений.

Ряд исследований сосредоточен на отдельных типах дискурса. Е. Е. Голубкова и С. В. Канашина (2022) анализируют романские вкрапления в интернет-мемах; А. А. Гокова (2022) – передачу иноязычных вкраплений в речи персонажей при локализации компьютерных игр; Л. Ю. Горзов (2021), О. В. Чурсина и Л. С. Краминская (2021) – иноязычные вкрапления в рекламе; Р. Р. Яхина и Е. В. Афонина (2021) – в современных СМИ; Е. А. Горн и А. Е. Дельва (2025) – в искусствоведческих текстах; О. Зуева (2021) – в русских мемуарах конца XIX века. Эти работы ценны тем, что рассматривают функционирование вкраплений в конкретных коммуникативных сферах, однако каждый из этих жанров обладает собственной стилистической спецификой, и результаты таких исследований не могут быть механически перенесены на исследуемый пласт в целом.

Особого внимания заслуживает работа Ю. Н. Киреевой, Е. С. Казютиной и М. Н. Суровой (2020), в которой иноязычные вкрапления анализируются в трёх функциональных стилях современного русского языка: официально-деловом (договоры, уставы, прайс-листы), публицистическом (газетные статьи, выступления публичных лиц) и художественном (произведения В. Токаревой). Авторы приходят к выводу, что иноязычные вкрапления активно проникают во все стили, включая самый консервативный, часто вытесняя русские эквиваленты из-за того, что первые воспринимаются как более модные и престижные, что угрожает чистоте и ясности литературного языка. Они выделяют номинативную (терминологическая), престижную, дифференцирующую и экспрессивно-стилистическую функции вкраплений. Однако, как и другие работы, это исследование синхронично: оно не позволяет сопоставить современные тенденции с языковыми процессами в другие исторические периоды.

Таким образом, обобщая сказанное, можно констатировать, что все перечисленные исследования, при всей их несомненной ценности, объединяет синхронический подход и сравнительно небольшой объем исследуемого материала: либо один период, либо один автор, либо один жанр или тип дискурса. В них, как правило, отсутствуют развёрнутые количественные данные, а там, где они есть, выборка не превышает нескольких десятков или сотен единиц и не является автоматизированной. Кроме того, объектом анализа во всех этих работах становились исключительно слова и словосочетания; одиночные латинские буквы как отдельный тип иноязычных вкраплений не рассматривались.

В отличие от упомянутых работ, наше исследование впервые предлагает системный диахронический анализ иноязычных вкраплений на репрезентативном корпусном материале, охватывающем несколько столетий (более 250 млн словоупотреблений), что позволяет не только зафиксировать количественные изменения, но и выявить их функциональную и семантическую эволюцию, а также реконструировать социокультурные портреты носителей языка в разные эпохи.

Далее мы последовательно излагаем результаты автоматизированного и ручного анализа иноязычных вкраплений, выявленных в трёх диахронических датасетах НКРЯ. Сначала приводится общий список вкраплений в формате: «вкрапление (частота на миллион словоупотреблений ipm)» в каждый период и дается их общая характеристика, затем отдельно рассматриваются одиночные иноязычные буквы как особая графическая группа, далее детально анализируются остальные словесные вкрапления – систематизируются по частям речи, семантическим группам и языкам-источникам. Завершается раздел реконструкцией социально-культурного портрета носителя языка, активно использующего иноязычные вкрапления.

1. Общий состав корпусов иноязычных вкраплений досоветского, советского и постсоветского периодов

В результате автоматизированной обработки в досоветском корпусе было выявлено 49 152 иноязычных вкрапления (10% от общего количества лемм в исходном файле), общее количество употреблений – 896 350 (1,21% от общего количества словоупотреблений исходного файла): *de (125,6), a (96,6), formula (88,1), la (71,5), N (61,7), M (58,9), et (48,9), est (48,3), x (45,7), le (45,4), D (41,6), S (36,7), vous (35,4), p (34), C (32,7), des (29,8), les (27,8), me (27,4), que (26,6), maman (26,2), mon (25,3), il (24,6), je (24,6), un (23,9), du (22,0), en (21,3), pg (19,7), pas (18,8), h (18,1), no (17,3), B (17,0), F (16,5), y (16,5), une (16,1), ma (16,1), R (15,8), in (15,7), Monsieur (15,1), der (14,9), ne (14,8), ce (14,4), qui (14,3), madame (13,6), mais (13,6), lle (13,0), etc (12,6), pour (12,5), cher (12,2), nous (12), qu (11,9), und (11,2), J (10,8), die (10,7), comme (10,5), au (10,0), tout (9,8), bien (9,8), dans (9,6), ad (9,6), par (9,1), on (9), non (8,9), si (8,6), u (8,3), e (8,1), cap (8,1), the (8,1), t (7,9), plus (7,7), w (7,6), z (7,6), chere (7,6), mademoiselle (6,8), elle (6,7), Frau (6,7), Nicolas (6,6), homme (6,5), se (6,5), sur (6,4), NB (6,2), of (6,2), gnadige (6,0), moi (6), Paris (6), ai (5,9), grand (5,7), NN (5,4), hotel (5,3), faut (5,3), das (5,1), votre (5,1), ist (5), fait (4,9), avec (4,9), cette (4,8), tante (4,8), Dieu (4,7), son (4,5), bon (4,5), ibid (4,5)*.

В словаре советского периода представлено 37 214 иноязычных вкраплений (7% от общего количества лемм в исходном файле), общее количество словоупотреблений – 979 882 (1,03% от общего количества словоупотреблений исходного файла): *a (40), de (30,4), n (22,8), x (21,3), la (20,8), s (20,1), l (18), the (14,4), et (14,4), p (13,8), d (12,7), est (12), m (11,8), le (11,6), c (11,5), of (10,9), in (9,7), des (8,4), no (8,4), h (8,3), les (8,1), der (8), t (7,9), b (7,9), y (7,3), du (6,6), j (6,4), and (6,3), und (6), r (5,9), que (5,8), en (5,7), un (5,5), il (5,3), e (5,2), die (5), je (4,8), f (4,6), Paris (4,4), pas (4,4), g (4), to (4), ne (3,9), vous (3,9), qui (3,8), me (3,8), on (3,7), non (3,6), rue (3,6), une (3,4), ce (3,2), u (3,2), w (3,1), qu (3,1), o (3), pour (2,9), mon (2,9), au (2,7), tout (2,7), dans (2,6), das (2,5), etc (2,4), k (2,4), par (2,4), z (2,3), new (2,3), is (2,3), ist (2,3), mais (2,2), se (2,2), st (2,1), Bd (2,1), plus (2,1), you (2,1), nous (2,1), si (2), ich (1,9), vol (1,8), London (1,8), homo (1,8), Dieu (1,8), bien (1,8), monsieur (1,8), hoop (1,8), elle (1,7), ad (1,7), sur (1,7), comme (1,7), kg (1,6), as (1,6), for (1,5), NN (1,5), was (1,5), nicht (1,5), von (1,5), im (1,5), ai (1,4), madame (1,4), grand (1,4), es (1,4)*.

В постсоветский период было обнаружено 69 899 иноязычных вкраплений (14% от общего количества лемм в исходном файле), общее количество словоупотреблений – 1 183 232 (1,4% от общего количества словоупотреблений исходного файла): *p (106,7), s (59,3), j (45,7), t (20,2), k (17,7), y (15,1), o (12,8), w (11), q (10,4), u (7,8), n (143), of (78,1), a (75), the (61,4), and (50,1), c (47,6), in (45,8), ru (45,4), r (37,1), vol (35,8), b (33,5), m (32,4), d (31,7), nick (31,4), e (29,1), www (28,9), l (28,6), et (26,2), x (24,9), f (24,2), al (22,6), formula (22,5), h (20,1), g (19), virus (17,9), de (17,6), http (15,7), to (15,5), mail (14,2), for (13,3), Ferrari (10,8), daily (10,6), la (10,3), on (9,5), with (9,4), com (8,8), by (8,8), BMW (8,8), international (7,7), z (7,7), new (7,6), group (7), influenza (6,9), CD (6,8), from (6,6), Mercedes (6,6), you (6,6), PR (6,5), virol (6,3), Microsoft (6), McLaren (5,9), human (5,9), Ford (5,9), AUDI (5,8), an (5,7), it (5,7), at (5,6), is (5,6), windows (5,5), Renault (5,4), Williams (5), Toyota (5), world (4,9), ibid (4,8), press (4,8), IBM (4,6), internet (4,5), NP (4,5), le (4,5), der (4,4), fig (4,3), hepatitis (4,3), DVD (4,2), no (4,1), VIP (4,1), intel (4), HCV (4), des (3,9), vitro (3,9), LG (3,9), vaccine (3,8), med (3,8), chem (3,7), ed (3,6), media (3,6), Volvo (3,6), bank (3,5), infection (3,5), system (3,5), cell (3,4)*.

Таким образом, представленные данные демонстрируют U-образную динамику в плане разнообразия и частоты употребления иноязычных вкраплений: минимальные показатели приходятся на советский период, тогда как досоветский и особенно постсоветский периоды показывают их высокий уровень. Полученная U-образная динамика согласуется с отдельными наблюдениями Т. В. Красновой (2009), зафиксировавшей высокую частотность иноязычных вкраплений в начале XX века, и с выводами Ю. Н. Киреевой, Е. С. Казютиной и М. Н. Суровой (2020) о резком росте вкраплений в постсоветский период. Однако ни одна из указанных работ не сопоставляла эти два пика в рамках единого корпусного исследования и не выявила собственно U-образную траекторию, что делает полученный нами результат новым вкладом в исследование указанных единиц.

2. Одиночные буквы как иноязычные вкрапления

В отличие от всех предшествующих работ, объектом которых становились исключительно словесные вкрапления, мы рассматриваем также одиночные иноязычные буквы как самостоятельный тип иноязычных вкраплений.

Иноязычные буквы-вкрапления имеют свои особенности категоризации, обусловленные тем, что они выступают чаще в роли графических символов, а не полноценных лексических единиц. Далее в разделе мы подсчитываем общее количество букв и их суммарную частоту в каждый период, а также на основе примеров на сайте НКРЯ устанавливаем их значение и функциональную нагрузку.

В досоветский период в число ста наиболее частотных иноязычных вкраплений входит 19 одиночных латинских букв, совокупный показатель IPM для которых составляет 541,5. В советский период количество таких букв возрастает до 23, однако их суммарная частота употребления снижается почти в 2,2 раза и составляет 244,2 IPM. В постсоветский период количество букв увеличивается до 24, а их суммарный IPM достигает 797,6, что превышает советский показатель в 3,3 раза и досоветский – в 1,5 раза.

Таким образом, использование иноязычных графем демонстрирует U-образную динамику как на уровне разнообразия (19 → 23 → 24), так и суммарного IPM (541,5 → 244,2 → 797,6). Как показал количественно-семантический анализ букв, представленный ниже, такая динамика частотности объясняется изменением функциональной нагрузки букв и частоты языковых контактов в разные периоды: частота использования возрастает прямо пропорционально расширению сфер употребления иноязычных букв и языковых контактов и уменьшается, когда буквы выполняют только одну-две узконаправленные функции (как в советский период).

В ходе исследования примеров в НКРЯ было установлено, что все одиночные латинские буквы в русских текстах выполняют три основные группы функций, однако их содержание и языковое наполнение существенно различаются в каждый из периодов. Эти группы – библиографическая и справочная, научно-техническая и символьная, а также культурно-языковая, к которой в постсоветский период добавляются брендовая и коммерческая.

2.1. Библиографическая и справочная функции

Под библиографической и справочной функциями понимается использование одиночных иноязычных букв для обеспечения навигации по тексту и формальной организации объектов: указания страниц, тома или его части; обозначения сокращения в названиях журналов и библиографических ссылок; обозначения номера *N*; маркировки пунктов перечисления; для структурирования перечней; обозначения римских чисел.

Как показал анализ примеров использования иноязычных букв на сайте НКРЯ, в досоветский период библиографическая и справочная функции преобладают. Например, буквы *S* (Seite – страница), *B* (Band – том), *f* (für – для), *u* (u. ff. – und folgende, и следующие), *p* (pagina – страница), *t* (tomus – том) и *N* (номер) служат сокращениями в сносках и ссылках типа: *Rheinisches Museum, N 51, S.* (номер 51, страница), *B. II* (том 2), *Zeitschr. f. pad.* (журнал для педагогики) и т. п.

В советский период эта функция в целом сохраняется, но претерпевает существенную трансформацию. Немецкие сокращения, такие как *S* (Seite) и *u* (und), практически исчезают из употребления в связи с разрывом научных контактов с немецкими научными журналами и отказом от традиции их оформления после 1917 года. Однако часть дореволюционных помет продолжает использоваться: *p* (pagina – страница); *t* (tomus – том), хотя последний постепенно вытесняется арабскими цифрами и более простыми отсылками. Особенно частотными в этот период становятся римские цифры, прежде всего *X* (десять), *C* (сто), *D* (пятьсот) и *M* (тысяча). Буква *X* активно используется для обозначения глав, томов и веков, что делает ее одной из самых частотных в советском корпусе, так как римская нумерация используется во всех видах текстов – и научных, и художественных.

В постсоветский период библиографическая функция у иноязычных графем практически исчезает. По-прежнему активно используется только сокращение *P. S. (Post Scriptum*), но оно переходит из научных текстов в сферу неформальной интернет-коммуникации (личная переписка, форумы, блоги).

2.2. Научно-техническая и символьная функции

Научно-техническая функция также является сквозной для всех трёх периодов, однако её содержание и частотность меняются.

В досоветский период латинские буквы активно и разнообразно выступают в качестве символов в чертежах, геометрии, физике и навигации; так, *D, E* и *T* служат для обозначения точек на чертежах или вершин геометрических фигур; *x, y* и *z* – для математических переменных и координат; *N, S, W* и *Z* обозначают стороны света и т. п.

В советский период буквы приобретают однозначные строго закреплённые значения в физике, химии и математике. Например, буква *h* становится общепринятым обозначением постоянной Планка, *K* используется для обозначения температуры в Кельвинах, а *F* – единицей измерения электрической ёмкости и т. д.

В постсоветский период символьная функция не исчезает, но смещается в сторону информационных технологий и интернет-коммуникации. Буква *e* становится частью обозначения электронной почты (*e-mail*) в примерах вроде «напишите мне на *e-mail*». Буква *x* активно используется в архитектурах процессоров и стандартах, например *x86* или *AGP 8x*. Вместе с этим сохраняется и традиционная математическая функция букв *x, y* и *z*, однако в общем корпусе она уже не преобладает, а остается только в узкоспециализированных научно-технических текстах.

2.3. Культурно-языковая функция

Наиболее яркую динамику демонстрирует культурно-языковая функция одиночных букв-вкраплений, отражающая смену культурных ориентиров и языковых предпочтений русского образованного общества.

В досоветский период культурно-языковая функция связана прежде всего с французским языком, который был маркером дворянской культуры, светского общения и дипломатии. Буквы *a, d, j, y, c* в этот период очень частотны, поскольку они используются в составе предлогов или сокращений во французских оборотах, например *tête-à-tête* (с глазу на глаз), *raison d'être* (смысл существования), *j'ai* (я имею) или *j'étais* (я был), *il y a* (есть, имеется), *c'est* (это есть). Кроме того, в корпусе встречаются итальянские вкрапления, например, буква *e* как союз «и» в цитатах из произведений Данте: *guerra e vergogna* (война и позор).

Тесно связана с культурно-языковой литературно-анонимизирующая функция – использование иноязычных букв для условного обозначения лица, имя которого автор не называет. В досоветский период эта функция реализуется прежде всего через обозначение *N. N.*, которое происходит от латинского "nomen nescio" («имя неизвестно»). В корпусе зафиксированы также примеры типа: «господин N.», «Крестьянка N губ., N-го уезда» и т. п. Кроме того, для анонимизации используются буквы "X", "Y", "Z", часто в сочетании друг с другом: «г-н X.» у Бенуа, "X., Y., Z." у Самойлова, «князь Z.».

В советский период функция цитации французских оборотов почти исчезает. Она сохраняется только в виде редко встречающихся французских выражений, часто ироничных, как, например, "à la guerre comme à la guerre" (на войне как на войне), которое уже воспринимается не как живая речь, а как культурный штамп. Литературно-анонимизирующая функция также трансформируется: обозначение *N. N.* и *X, Y, Z* сохраняется, но теперь оно может использоваться не только как литературный приём, но и как способ обхода цензуры при упоминании реальных лиц в мемуарах и дневниках. Вместо французского языка на первый план выходит интернациональная научная лексика, у букв появляются новые бюрократические функции. Буква *N* (в значении номера) становится инструментом административной системы: в корпусе советского периода зафиксировано множество примеров: «заключённый N 48100», «партбилет N 0000000», «камера N 5», «школа N…», «журнал N 1, N 2». Эта функция не имеет аналогов в досоветском корпусе: там номер использовался в основном в библиографических целях, тогда как в советский период он становится маркером государственного учёта, контроля и анонимизации человека. Одновременно с этим активно используется сокращение *P. S.* (*Post Scriptum*), которое в советских дневниках, письмах и мемуарах становится едва ли не самым частотным бытовым вкраплением-буквой.

В постсоветский период культурно-языковая функция полностью меняет характер. На смену французскому и немецкому влияниям приходит абсолютное доминирование английского языка, которое охватывает как интернет-коммуникацию, так и массовую культуру. Буква *a* начинает использоваться в качестве английского неопределённого артикля в цитатах, песнях и разговорных вкраплениях, как в примере "a horse and carriage" или "a baker's dozen". Буква *u* служит сокращением от "you" (ты, вы) в англоязычной переписке, например "How are u?" (Как у тебя дела?). Буква *c* входит в состав смайликов и обозначений копирайта. Буквы *P* и *S* продолжают функционировать в составе сокращения *P. S.*, которое теперь является неотъемлемой частью интернет-дискурса. Функция анонимизации с помощью NN и других букв полностью исчезает, теперь ее роль выполняют ники. У иноязычных букв появляется еще одна функция, не представленная в предыдущие периоды, – брендовая и коммерческая. Буквы *x, z* и *k* начинают входить в состав названий: напиток «Пепси X», архитектура "x86", стандарт шины "AGP 8x" или астрономический объект "Cyg X-1"; микропроцессор "Z80", автомобили "BMW Z", «KIA K-серия», клуб "Jimmy'z".

Таким образом, динамика иноязычных букв-вкраплений с падением частоты в советское время и повышением в постсоветское (541,5 → 244,2 → 797,6 IPM) объясняется количеством выполняемых ими функций. В досоветский период их высокая частотность обеспечивалась активной библиографической практикой с использованием немецких сокращений, разнообразным применением букв в науке и технике, а также интенсивным использованием французского языка в светском общении. Резкое падение исследуемых единиц в советский период вызвано разрывом научных контактов с немецкими журналами, с французским сообществом и переориентацией на выполнение узких академических и бюрократических функций, что снизило частотность иноязычных букв, несмотря на формальное расширение репертуара. Постсоветский взлёт обусловлен тотальной экспансией интернет-коммуникации с английской терминологией и появлением брендовой и коммерческой функций, что многократно расширило сферы их употребления по сравнению с предшествующими периодами.

3. Иноязычные вкрапления (кроме одиночных букв)

Дальнейший анализ проводился на материале иноязычных вкраплений за вычетом одиночных латинских букв.

Общий объём иноязычных вкраплений (без букв) в досоветском корпусе составляет 81 лемму с суммарным показателем 1309,7 ipm, в советском – 77 лемм с суммарным показателем 340,9 ipm, в постсоветском – 76 лемм с суммарным показателем 874,3 ipm. Представленные данные демонстрируют, что при относительной стабильности репертуара иноязычных вкраплений (81 → 77 → 76 лемм) частотность их употребления претерпевает резкие изменения, также демонстрируя U-образную динамику (1309,7 → 340,9 → 874,3 IPM).

3.1. Частеречный и тематический анализ иноязычных вкраплений (кроме букв)

Анализируемые вкрапления были распределены по частям речи с указанием их суммарной ipm. Поскольку некоторые иноязычные элементы могли выступать одновременно в нескольких частеречных функциях (например, *on* – и как местоимение, и как предлог; *qu* – и как союз, и как сокращение), такие единицы засчитывались в каждую из соответствующих групп, и подсчёты по частям речи приводятся с учётом дублирования. На следующем этапе была проведена семантическая классификация знаменательных единиц с выделением доминирующих тематических групп.

В досоветском корпусе распределение частотности иноязычных частей речи (существительные – 317,4, местоимения – 317,1, предлоги – 248,1, частицы – 244,9, артикли – 244, союзы – 143,9, наречия – 117,9, глаголы – 69,5, прилагательные – 45,8) позволяет сделать следующие выводы.

Самая высокая ipm-частота у существительных указывает на то, что они использовались для номинации. Высокая частота местоимений (особенно личных *je, vous, il, elle* и притяжательных *mon, ma, son*) говорит о том, что они применялись не как отдельные слова, а в составе цельных конструкций для передачи прямой речи.

Предлоги, частицы и артикли имеют почти одинаково высокие показатели (244-248 ipm). Это служебные части речи, которые обеспечивают грамматическую связанность фраз. Их высокая частота также указывает на то, что иноязычные обороты вводились не изолированными словами, а целыми синтаксическими блоками – устойчивыми оборотами, клише, цитатами и формулами. Без этих элементов невозможно построение грамматически правильной фразы на чужом языке.

Этот вывод согласуется с наблюдением О. Н. Олейниковой (2023), показавшей, что в статьях и эссе М. И. Цветаевой преобладают полные вкрапления (фразы и предложения), а не отдельные лексемы, то есть наши количественные данные, полученные на корпусном материале, подтверждают те качественные наблюдения, которые ранее делались на ограниченном материале отдельных авторов.

Глаголы (69,5 ipm) и прилагательные (45,8 ipm) находятся на последних местах в плане частотности. Это говорит о том, что иноязычные вкрапления в основном не несли новой событийной или описательной информации. Глаголы представлены почти исключительно формами связки (est, ist, sont), то есть они служили для идентификации или определения, а не для описания действий. Низкая частота прилагательных в иноязычном оформлении указывает на то, что конкретные описания и качественные характеристики, скорее всего, давались на русском языке.

Если рассматривать тематические группы, то среди полнозначных слов однозначно доминирующей является группа межличностного общения и этикета: это местоимения всех типов: *je* (я), *vous* (вы), *mon* (мой), *ce* (этот), se (себя) и др., обращения и титулы: *Monsieur* (месье), *madame* (мадам), *mademoiselle* (мадемуазель), *Frau* (госпожа), *maman* (мама), *tante* (тётя), *Nicolas* (имя собственное); прилагательные, входящие в состав общепринятых обращений: *bon* (хороший), *grand* (большой), *cher* (дорогой), *chère* (дорогая), *gnadige* (милостивая). Сюда же можно включить слова из этикетных формул: *bien* (ладно, хорошо) и *Dieu* (Бог) (последнее в подавляющем большинстве случаев использовалось не в собственно религиозном контексте, а входило в состав восклицаний типа *mon Dieu*! (Мой Бог!), то есть помогало выразить сильные эмоции в разговоре).

На втором месте среди речи находятся слова и сокращения научно-юридической сферы (*formula* (формула), *cap*. (глава), *pg*. (страница), *NB* (обрати внимание), *NN* (имена неизвестны), *ibid*. (там же), *etc*. (и так далее)), но они уступают по частотности коммуникативной лексике.

На третьем месте находятся слова, обозначающие реалии заграничной жизни: *Paris* и *hotel* (как часть названий заграничных отелей, чаще всего французских). Высокая частотность именно этих слов говорит о франкоцентричной картине мира носителя языка, использующего иноязычные вкрапления в этот период.

Таким образом, в досоветский период иноязычие является инструментом живого общения в дворянской среде: французский язык используется для оформления межличностных отношений, выражения вежливости, обращения, любовных и дружеских писем. Это язык салонов, балов, переписки, светского этикета, путешествий за границу и реже – научных работ.

В корпусе советского периода частеречное распределение частей речи представлено следующим образом: артикли – 102,4 ipm, местоимения – 77,2 ipm, предлоги – 83,7 ipm, существительные – 56,8 ipm, союзы – 45,4 ipm, частицы – 35,7 ipm, глаголы – 20,9 ipm, наречия – 16,5 ipm, прилагательные – 6,4 ipm. Таким образом, в советском корпусе иноязычные вкрапления претерпевают существенную трансформацию. Наиболее резко падает частотность местоимений (с 317,1 до 77,2), глаголов (с 69,5 до 20,9), наречий (с 117,9 до 16,5) и частиц (с 244,9 до 35,7), то есть тех частей речи, которые обслуживают живую диалогическую речь, передают эмоциональность и субъективную модальность. Это говорит о том, что иноязычные вкрапления перестают быть средством повседневного общения и утрачивают способность передавать субъектные и процессуальные значения. Служебные части речи (артикли, предлоги, союзы) сохраняются лучше, поскольку они необходимы для оформления библиографических ссылок, юридических формулировок, научных сокращений и стандартизированных помет.

Семантически значимые слова начинают иначе распределяться по тематическим группам. На первый план выходит научно-библиографическая и академическая сфера: латинские сокращения: *ibid.* (там же), *et al*. (и другие), *op. cit.* (цитированное сочинение), *vol*. (том), *fig.* (рисунок), *cap*. (глава), немецкие библиографические обозначения *Bd*. (том), технические единицы измерения *kg*, *No., st*. (улица). Имена собственные *London, Paris* тоже используются в основном в библиографии для указания места издания. Именно эта группа становится основной по частотности.

Местоимения и этикетные обращения сохраняются, но их частотность падает в разы, и они функционируют преимущественно как цитаты из классической литературы или архаизмы, а не как живые элементы речи. Французские обращения *monsieur*, *madame*, слова из выражений *comme il faut* (как следует / как надо / прилично), *c'est la vie* (такова жизнь) тоже резко снижаются в частотности и встречаются в художественных текстах в речи персонажей из досоветского прошлого. Спортивная и культурная лексика (*hoop, hula-hoop, pas de deu*x) появляется в единичных случаях.

Таким образом, советский период характеризуется сужением присутствия иноязычных вкраплений до академической и технической сфер: иноязычие допускается только там, где оно необходимо для международного научного обмена и технической документации, но почти полностью исчезает из повседневного общения и бытовой культуры.

Следует отметить, что в позднесоветский период английские служебные части речи начинают чаще использоваться в живой речи, диалогах, особенно в речи молодежи и сленге, что говорит о начале перехода английского языка из инструментально-номинативного регистра в коммуникативный и о формировании новой культурно-языковой модели, где англицизмы становятся маркерами современности. Но в отличие от французского языка в досоветский период, где иноязычные вкрапления были знаком элитарной культуры и дворянского воспитания, английские служебные элементы в позднесоветский период выполняют функцию прагматическую и субкультурную: они сигнализируют о принадлежности к молодёжной среде, музыкальной культуре, западному образу жизни, но не требуют системного владения языком. Это наблюдение перекликается с выводами Т. И. Большаковой (2008), показавшей, что в произведениях В. П. Аксенова 1960-1980-х годов иноязычные вкрапления в речи диссидентов и хиппи передают протестные настроения и тоску по свободной Европе.

В постсоветском корпусе существительные становятся абсолютным лидером – 39 единиц с ipm 345,6 (в 6 раз выше аналогичных в советский период). Их состав принципиально изменился: теперь в них входят имена собственные, в основном названия марок автомобилей и компьютерных фирм (13 единиц, ipm 77,3) и аббревиатуры (13 единиц, ipm 103,4), чего практически не было в предыдущих периодах. Остальные части речи располагаются следующим образом: предлоги (ipm 210,1), союзы (ipm 98,9), артикли (ipm 90,2), прилагательные (ipm 31,8), местоимения (ipm 21,8), частицы (ipm 19,6), наречия (ipm 8,8), глаголы (ipm 5,5).

Таким образом, постсоветский период демонстрирует кардинальную перестройку частеречного профиля иноязычных вкраплений. Прежде всего обращает на себя внимание почти полное исчезновение местоимений (с 20 единиц в досоветском до 3 в постсоветском) и глаголов (с 5-6 до 1), что свидетельствует об утрате иноязычными вкраплениями способности передавать субъектные и процессуальные значения. Иноязычие перестаёт быть средством живого общения и оформления синтаксических конструкций. Напротив, существительные становятся абсолютным лидером по совокупному ipm. Это говорит о том, что в постсоветском корпусе иноязычные вкрапления утрачивают грамматическую интегрированность и превращаются в ярлыки-номинанты для новых денотатов.

Семантический ландшафт знаменательных слов меняется кардинально. Появляются новые тематические группы, отсутствовавшие в предыдущие эпохи.

Начинает преобладать группа информационных технологий и интернет-лексики: *mail* (почта), *www, http, com, ru* (части интернет-адресов), *windows* (операционная система), *intel* (компания), *IBM* (международная корпорация по производству машин International Business Machines), *CD* (компакт-диск), *DVD* (цифровой видеодиск), *IT* (информационные технологии), *Internet* (Интернет), *media* (медиа), *system* (система).

Второй по величине становится группа автомобильных марок и брендов: *BMW, Ferrari, Mercedes, Ford, Audi, Renault, McLaren, Toyota, Volvo, Williams*. На третьем месте находится группа медицинской терминологии: *virus* (вирус), *influenza* (грипп), *hepatitis (*гепатит), *vaccine* (вакцина), *infection* (инфекция), *cell* (клетка), *human* (человек), *virol.* (вирусология), *HCV* (вирус гепатита С – от Hepatitis C Virus).

Значительное место занимает группа, связанная с бизнесом и PR: *PR* (связи с общественностью), VIP (Very Important Person – очень важная персона), *press* (пресса), *bank* (банк), *group* (группа), *daily* (ежедневный/ежедневно), *new* (новый), *international (*международный*), world* (мир/мировой*).*

Научно-библиографическая сфера сохраняется (*formula* (формула), *vol.* (том), *fig.* (рисунок), *ibid.* (там же), *chem.* (химия/химический), *ed.* (редактор/издание), *med.* (медицина/медицинский), *NP* (нет страницы)), но её частотность уступает технологической и потребительской лексике.

Появляется и новая сфера сетевой коммуникации: *nick* (ник/псевдоним), *mail* (почта), *you* (ты/вы), *on* (онлайн / в сети).

Таким образом, особенностью постсоветского периода является то, что иноязычные вкрапления перестают обслуживать межличностное общение и этикет (как в досоветский период) и не ограничиваются академическими ссылками (как в советский). Они становятся маркерами новых реалий, которых не существовало в русской действительности до 1990-х годов: Интернет, компьютеры, мобильная связь, глобальные бренды, рыночная экономика, PR-технологии, массовая вакцинация, эпидемии нового типа. Бренды выступают как символы потребительского общества и глобализации. Медицинская лексика, ранее неизвестная широкой публике, становится массовой благодаря эпидемиям и информационным кампаниям. Интернет-термины отражают рождение нового типа дискурса – цифрового, глобального, медийного. Полученные данные дополняют выводы Ю. Н. Киреевой, Е. С. Казютиной и М. Н. Суровой (2020), отмечавших проникновение иноязычных вкраплений в постсоветский период во все функциональные стили современного русского языка.

При этом практически полностью исчезает коммуникативная лексика: местоимения (кроме *you, it, on*) и этикетные формулы отсутствуют, что означает, что иноязычие перестаёт быть средством общения между людьми и становится средством номинации предметов и явлений.

Следует отметить, что значение многих слов, в частности марок машин и аббревиатуры VIP, имеет оценочную окраску и свидетельствует о расслоении общества. В проанализированных на сайте НКРЯ примерах марки машин во многих случаях помогали выполнить функцию социальной дифференциации. Марки немецкого премиального сегмента *BMW, Mercedes и Audi* в постсоветском дискурсе выступали как символы премиальности и ассоциировались с состоятельными бизнесменами, чиновниками и «новыми русскими». Эти бренды стали нарицательными обозначениями успеха и социального статуса, их упоминание в тексте автоматически указывало на высокий уровень жизни персонажа или автора высказывания. Марки, связанные с миром автоспорта и эксклюзива – *Ferrari и McLaren*, – в примерах выступали не столько как реально доступные автомобили, сколько как символы скорости, престижа и спортивных достижений. Их упоминания чаще всего отсылали к контексту

Формулы-1 или к образу жизни, недоступному обывателю. Сама аббревиатура *VIP* также маркирует премиальность того или иного человека, его успех. Таким образом, некоторые номинации в постсоветском корпусе служили не только обозначениями предметов, но и социальными ярлыками, которые позволяли авторам текстов доносить до читателя информацию о статусе, доходах и образе жизни субъекта.

4. Языки-источники иноязычных вкраплений

Анализ языкового происхождения всех иноязычных вкраплений – как одиночных латинских букв, так и полноценных лексем, аббревиатур и сокращений – позволяет наглядно проследить смену культурной парадигмы на протяжении трёх исторических периодов. Так как некоторые иноязычные вкрапления могли относиться к нескольким языкам, далее подсчет указывается с учетом дублирования.

В досоветский период абсолютное большинство иноязычных букв связано с немецким языком (46,5%), который выступал основным языком науки, философии и медицины, а также с латынью (29%), обслуживавшей богословие, юриспруденцию и библиографию. Французские буквы занимают 17,5%, выступая в роли артиклей, предлогов в составе устойчивых оборотов. Английский, испанский, итальянский использовались в единичных случаях.

У остальных иноязычных вкраплений (кроме букв) распределение среди языков-источников оказывается совершенно другим. На первое место выходит французский язык (84,7%), на второе – латынь (37,6%), в то время как остальные языки – английский и немецкий – представлены эпизодически.

В советский период структура распределения языков-источников тоже абсолютно меняется.

У одиночных букв начинает преобладать латынь (47,5%), которая используется в нумерации, для библиографических обозначений и помет. Английский язык поднимается до 27,3%, французский сокращается до 13,5%, а немецкий падает до 11,7%, что вызвано прекращением контактов с немецкими научными журналами.

У иноязычных вкраплений-слов (без букв) французский по-прежнему преобладает (26,2%), но используется в основном для названий и цитат. Латынь (12,4%) и немецкий (6,2%) используются в составе цитат и библиографических сокращений. Английский (9,9%) начинает завоёвывать позиции.

В постсоветский период снова происходит смена главного языка-источника для обоих типов вкраплений.

Среди одиночных букв английский язык становится лидером (89,5%), в то время как латынь (8,4%), французский (1,1%) и немецкий (1,1%) сводятся к единичным примерам употребления.

Среди слов-вкраплений английский также безусловно преобладает (78,0%). На втором месте неожиданно оказывается латынь (34,2%), которая в этот раз используется для медицинских и биологических терминов вроде *in vitro* (в пробирке / искусственно), *hepatitis* (гепатит), *cell* (клетка). Частота употребления французского (11,1%) и немецкого (5,1%) продолжает снижаться.

5. Портрет носителя языка, использующего иноязычные вкрапления

На основе проведённого функционального, частеречного и тематического анализа можно реконструировать социально-культурный портрет человека, использующего иноязычные вкрапления в каждый из трёх периодов.

В досоветский период это, в первую очередь, представитель образованного дворянства, владеющий французским языком как вторым родным. Он билингвален, свободно переключается между русским и французским в зависимости от ситуации общения, использует французский для выражения тонких оттенков чувств, иронии, вежливых обращений. Его личность формируется под влиянием европейской культуры, он ориентирован на французские образцы поведения и мышления. Иноязычные вкрапления для него – не просто слова, а маркер принадлежности к привилегированному слою, знак образования и воспитания. Он не переводит французские слова на русский, потому что они естественно вплетены в его повседневную речь и выражают те смыслы, для которых русский язык в тот момент казался недостаточно изящным или недостаточно точным. Реконструированный портрет досоветского носителя языка согласуется с данными Т. В. Красновой (2009), отметившей доминирование французского языка в разговорной речи и в художественных текстах начала XX века, и с наблюдениями О. Н. Олейниковой (2023) о том, что в статьях М. И. Цветаевой французские вкрапления служат маркером образованности и принадлежности к культурной элите.

Анализ функций одиночных букв свидетельствует также о том, что носитель языка был включён в европейское научное пространство, читал немецкую философскую, медицинскую и историческую литературу в оригинале.

В советское время иноязычные вкрапления использует учёный, инженер, библиограф или технический специалист. Иностранные языки он знает преимущественно пассивно – для чтения научной литературы, оформления библиографических ссылок, перевода технической документации. Французский для него – язык классической литературы, который он не использует в быту. Английский начинает проникать в язык, но его присутствие ограничено техническими терминами или субкультурной средой. Вкрапления в этот период – это профессиональный инструмент, элемент этикета в научных документах. Этот портрет частично соотносится с выводами Т. И. Большаковой (2008), которая показала, что в текстах В. П. Аксенова 1960-1980-х годов иноязычные вкрапления используются в основном для характеристики отдельных персонажей (диссиденты, хиппи) и не являются элементом повседневной речи советских людей.

Носитель языка **в постсоветский период**, использующий иноязычные вкрапления, – это человек, интегрированный в глобализованное информационное и потребительское пространство. Его повседневная жизнь неразрывно связана с использованием Интернета, персонального компьютера, мобильных устройств и автомобиля; он регулярно сталкивается с медицинской информацией и рекламной продукцией. При этом иностранный

(прежде всего английский) язык выполняет для него не культурно-репрезентативную (как в XIX веке), а прагматическую утилитарную функцию – служит для названия новых предметов и явлений. Носитель языка не разговаривает на английском свободно, но часто применяет отдельные английские слова в интерфейсах программ, инструкциях, рекламных слоганах, названиях товаров и болезней. Таким образом, в постсоветский период английский язык служит не для общения, а для ориентирования в мире новых компьютерных технологий и иностранных брендов. Вместе с тем использование марок дорогих автомобилей и аббревиатуры VIP для обозначения статуса указывает на то, что носитель языка остро переживает социальное расслоение, появившееся в постсоветский период. Кроме того, иноязычная медицинская терминология в активном словарном запасе носителя языка свидетельствует о том, что последний регулярно сталкивается с угрозой международных эпидемий и болезней и активно их обсуждает. Этот портрет дополняет наблюдения Ю. Н. Киреевой, Е. С. Казютиной и М. Н. Суровой (2020), которые зафиксировали высокую частотность иноязычных вкраплений в современных текстах. Однако наши данные показывают, что современный носитель языка использует вкрапления преимущественно как номинативные ярлыки для новых реалий, а не как средство живого общения.

Заключение

Проведенное исследование, посвященное установлению закономерностей динамики частотных иноязычных вкраплений в русских текстах досоветского, советского и постсоветского периодов на материале диахронических датасетов Национального корпуса русского языка, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В результате автоматизированной обработки корпусов 1700-1916, 1918-1991, 1991-2016 гг. составлены частотные списки иноязычных вкраплений (обозначенные латиницей) для трёх исторических периодов. Установлено, что динамика как общего количества вкраплений, так и их частотности (ipm) имеет U-образную форму с минимальными показателями разнообразия и частотности в советский период.

2. Анализ примеров употребления в Основном корпусе НКРЯ одиночных букв-вкраплений показал, что они выполняют три основные группы функций: библиографическую, научно-техническую и культурно-языковую. Однако соотношение и содержание этих функций существенно трансформируются на протяжении трёх периодов, что и объясняет U-образную динамику их частотности. В досоветский период высокая частотность букв обеспечивается их активным использованием во всех трёх функциях, причём библиографическая преобладает. В советский период библиографическая и научно-техническая сферы использования значительно сужаются из-за сокращения языковых контактов, а культурно-языковая функция практически исчезает, что объясняет общее уменьшение их употребления. В постсоветский период буквы-вкрапления практически перестают использоваться в библиографической функции, однако значительно расширяется культурно-языковая функция, к которой в этот период добавляется брендовая и коммерческая, что обусловливает увеличение частоты их использования.

3. Частеречный, тематический и контекстный анализ остальных иноязычных вкраплений (без букв) показал следующие изменения. В досоветский период высокая частотность служебных частей речи и местоимений свидетельствует об использовании вкраплений в живом межличностном общении. В советский период частотность вкраплений резко падает, так как они обслуживают преимущественно библиографическую сферу и научную документацию. В постсоветский период существительные начинают преобладать, а местоимения и глаголы почти исчезают, что указывает на то, что в этот период вкрапления выполняют в основном номинативную функцию. Тематический анализ выявил смену доминирующих групп: от лексики межличностного общения и этикета в досоветский период к научно-библиографической – в советский и к технологической, брендовой и медицинской – в постсоветский, при этом отдельные номинации (премиальные марки автомобилей, аббревиатура VIP) приобретают оценочную функцию.

4. Анализ языкового происхождения иноязычных вкраплений показал смену доминирующего языка-источника на протяжении трёх периодов, причём эта смена происходила по-разному для одиночных букв и для словесных вкраплений. В досоветский период среди букв преобладали немецкий и латынь, среди остальных вкраплений – французский. В советский период лидирующее место занимает латынь, у остальных вкраплений – французский, но его доля снижается, а английский начинает укреплять позиции. В постсоветский период английский становится безусловным лидером для обоих типов вкраплений.

5. Полученные данные позволяют реконструировать эволюцию носителя языка, активно использующего иноязычные вкрапления. В досоветский период это билингвальный представитель образованного дворянства, для которого французский язык был маркером социального статуса и средством повседневного общения. В советский период – это учёный или технический специалист, использующий иноязычные вкрапления как профессиональный инструмент в академической сфере. В постсоветский период – это человек, интегрированный в глобализованное цифровое и потребительское пространство, для которого английские заимствования являются утилитарными навигационными метками в технологической среде, а не знаками культурного превосходства.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением хронологических границ (включение современных текстов после 2016 года), а также с привлечением данных других языковых корпусов для сопоставительного анализа иноязычных вкраплений.

Материалы исследования | Research materials

1. Диахронические датасеты русского языка 1700-1916, 1918-1991, 1992-2016 гг. // Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru/page/corpora-datasets/
2. Основной корпус Национального корпуса русского языка. https://ruscorpora.ru/

Источники | References

1. Абдупаттоев Х., Абдуллаева С. У. Иноязычные вкрапления в повести В. Быкова «Альпийская баллада»: лингводидактический и духовно-нравственный аспекты (новое междисциплинарное исследование на стыке лингвистики, литературоведения и аксиологии) // Новости образования: исследование в XXI веке. 2025. Т. 4. № 39-1 (100).
2. Большакова Т. И. Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В. П. Аксенова: автореф. дисс. … к. филол. н. Воронеж, 2008.
3. Василенкова Л. Б. Италия ее глазами: иноязычные включения и их функции в мемуарном рассказе В. С. Токаревой «Римские каникулы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 11. https://doi.org/10.30853/phil20250668
4. Гокова А. А. Передача иноязычных вкраплений в речи персонажей при локализации компьютерных игр (на примере компьютерной игры “Disco elysium”) // Dictum – Factum: от исследований к стратегическим решениям. 2022. Вып. 7-8.
5. Голубкова Е. Е., Канашина С. В. Романские вкрапления в дискурсивном пространстве интернет-мемов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 13 (868). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_13_868_24
6. Горзов Л. Ю. Иноязычные вкрапления в языке средств массовой коммуникации (на материале рекламных публикаций на русском и словацком языках) // Русский язык в евразийском культурном пространстве: материалы I Международной научно-практической конференции молодых исследователей, Сургут, 14-15 апреля 2021 г. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2021.
7. Горн Е. А., Дельва А. Е. Иноязычные вкрапления в искусствоведческих текстах: возможности перевода // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2025. Т. 16. Вып. 2 (69).
8. Зуева О. Польские вкрапления в русских мемуарах конца XIX века в свете истории русского литературного языка и лингвистики текста // Polylogue. Neophilological Studies. 2021. № 11. https://doi.org/10.34858/polilog.11.2021.349
9. Киреева Ю. Н., Казютина Е. С., Сурова М. Н. Функционирование иноязычных вкраплений в современном русском языке // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 1.
10. Костоусова Э. Т. Способы кодирования иноязычных вкраплений в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» и его переводах на немецкий язык // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 4 (52). https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-517-522
11. Краснова Т. В. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи начала XX века: дисс. … к. филол. н. Воронеж, 2009.
12. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.
13. Кулакова А. Функции иноязычных вкраплений в рассказе В. В. Набокова «Весна в Фиальте» // Метаморфозис. 2023. Т. 7. № 2.
14. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. № 7.
15. Нечепуренко Д. В. Иноязычные вкрапления в рассказах В. О. Пелевина // Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 3.
16. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в воспоминаниях К. И. Чуковского о современниках // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 2 (57). https://doi.org/10.36622/2587-9510.2025.57.2.009
17. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в статьях и эссе М. И. Цветаевой // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 4 (51). https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2023.32.21.006
18. Чурсина О. В., Краминская Л. С. Иностранные вкрапления в русских рекламных текстах // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: материалы I Всероссийской научно-практической онлайн-конференции / под ред. О. Ю. Ивановой. Орел: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2021.
19. Яхина Р. Р., Афонина Е. В. Функционирование иноязычных вкраплений в русских текстах (на материале современных СМИ) // Litera. 2021. № 5. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.5.35567

Информация об авторах | Author information

RU

Рычкова Татьяна Александровна[1], к. филол. н., доц.
[1] Мурманский арктический университет

EN

Tatiana Aleksandrovna Rychkova[1], PhD
[1] Murmansk Arctic University

[1] *rychkovata@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.06.2026; опубликовано online (published online): 02.10.2026.

Ключевые слова (keywords): иноязычные вкрапления; Национальный корпус русского языка; иноязычные графемы; динамика иноязычных вкраплений; частотные списки вкраплений; foreign-language inclusions; Russian National Corpus; foreign-language graphemes; dynamics of foreign-language inclusions; frequency lists of inclusions.